

**ROSA
LUXEMBURG
STIFTUNG
CENTRAL ASIA**

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ТРАНСФОРМАЦИИ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ОЦЕНКА И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
RLS-УМЭД, ТАШКЕНТ, 27 АВГУСТА 2025 ГОДА

АЛМАТЫ, 2025

УДК 339.9
ББК 65.52
Ц38

«Центральная Азия перед вызовами трансформации глобальной экономики: оценка и прогнозирование»: материалы одноименной международной конференции, состоявшейся в Ташкенте 27 августа 2025 года. – Алматы: Бук Эксперт Казахстан, 2025. – 184 с.

ISBN 978-601-12-5537-0

Настоящий сборник материалов включает доклады участников международной конференции «Центральная Азия перед вызовами трансформации глобальной экономики: оценка и прогнозирование» (г. Ташкент, УМЭД, 27 августа 2025 года). Организаторами мероприятия выступили Университет мировой экономики и дипломатии и Представительство Фонда Розы Люксембург в Центральной Азии.

В конференции приняли участие ведущие эксперты из Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Германии, Китая, Индии и Туркменистана. Основными темами обсуждения стали оценка текущих трансформационных процессов в мировой экономике и перспективы развития Центральной Азии в условиях новых глобальных вызовов.

Сборник предназначен для международников, экономистов, экспертов и практиков, занимающихся изучением проблем международной экономики, политики и безопасности, а также преподавателей и студентов высших учебных заведений.

За содержание настоящей публикации всю ответственность несут авторы, а изложенная в ней точка зрения может не совпадать с позицией Фонда Розы Люксембург.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

5

I. ОЦЕНКА ПРОИСХОДЯЩИХ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНЫХ ТRENДОВ

Bierbaum H.

European Challenges in a Changing Global Economy

9

D'Souza S.M.

Evolving Trends in the Global Economy:
Impact on India's Long-Term Interests

13

Күшкүмбаев С.

Региональный ответ Центральной Азии на глобальные
экономические сдвиги: взгляд из Казахстана

21

II. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Бахадиров М.

Оценка потенциала Центральной Азии в новой геополитике
критически важных минералов

31

Каримов Е.

Экспертный прогноз развития «зеленой экономики»
в Центральной Азии на фоне выхода США из Парижского
соглашения по климату

44

Мухамметбердиев О.

Стратегия сбалансированного суверенитета Центральной Азии
в условиях трансформации мировой экономики

59

Иброҳимзода И.

Вопросы регулирования рынка инвестиций Центральной Азии
в условиях нестабильного развития мировой экономики

66

Додонов В.

Влияние торговой политики Трампа на центральноазиатские
экономики: озабоченности и реалии

85

Karimova K.

Uzbekistan's Export Potential and WTO Accession:
Opportunities and Risks

92

III. ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Махмудов Р.

Общая оценка глобальных вызовов безопасности
и стабильности Центральной Азии

99

Каратаева Л.

Нелинейная геополитическая динамика
и идентификационные процессы в Казахстане

113

Ризоён Ш.

Риски уязвимости и потенциал устойчивости
Центральной Азии в условиях глобальных экономических
трансформаций

122

Джамангулов К.

Влияние глобальных экономических процессов
на социальную стабильность в Кыргызской Республике

132

Джумаева Г.

Геополитические интересы мировых и региональных держав
в Центральной Азии: конкуренция и кооперация

148

Khujabekov U., Raghuraman A.

The Renewable Energy Chessboard: Central Asia between China,
Russia and the EU

163

Abstracts

174

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сегодня мы все четко осознаем, что живем в весьма сложные времена глубинных трансформационных процессов и геополитических изменений. Мир вокруг нас изменился, а центр геополитического баланса смещается из Европы и США в Азию. Текущие геополитические сдвиги находят отражение в нарастающей многополярности – глобальный Юг больше не желает мириться с доминированием глобального Севера. Примером этого является БРИКС – организация, которая приобретает все большее значение и которая привлекает все больше и больше членов, – так что в настоящий момент будет даже корректнее говорить о БРИКС+. Одновременно и вопреки этому тренду назревает опасная блоковая конфронтация между США и Китаем. Противоречия между векторами расширяющейся многополярности и новой блоковой конфронтации – суть производные борьбы за глобальную гегемонию, посредством которой США пытаются сохранить свое рушающееся доминирование.

Растет количество и расширяется география военных конфликтов. Текущее опасное противостояние между Ираном и Израилем, ужасающая ситуация в Секторе Газа и происходящий там геноцид, непрекращающаяся война в Украине – лишь некоторые примеры. Не стоит также забывать о войнах и военных конфликтах в других частях мира, например в Йемене. Тенденция к милитаризации только усиливается, и это создает более чем тревожную ситуацию глобально.

Подъем Китая, Индии и других стран с развивающейся экономикой привел к перебалансировке глобального экономического ландшафта, а Европа сталкивается с существенными вызовами, угрожающими ее конкурентоспособности и долгосрочному процветанию.

С избранием президентом США г-на Трампа геополитический ландшафт претерпел еще большие изменения, которые несут с собой серьезные последствия как для мировой экономики, так и для международной торговли. Непредсказуемая тарифная политика Трампа нарушает механизмы мировой торговли и делает ситуацию крайне нестабильной в целом. Все вышеперечисленное оказывает значительное негативное воздействие на Европу, в том числе ставит под угрозу ее экономическое и социальное развитие.

Долгие годы Евросоюз (ЕС) являлся одним из мощнейших экономических центров мира с единым и интегрированным рынком, пере-

довой индустрией и высоким уровнем жизни. Однако в сегодняшней быстро меняющейся глобальной экономике это уже не так. Экономическое развитие Европы в значительной степени замедляется. В частности, в очень сложном положении находится промышленность. Ситуация в Германии, по-прежнему остающейся локомотивом европейской экономики, – яркое тому подтверждение. Геополитические потрясения лишь усугубляют кризисную ситуацию в промышленной сфере. «Немецкая экономическая модель» исчерпывает себя, так как ее базис – мощный экспортно ориентированный промышленный сектор – теряет свою прочность. В свою очередь кризисная ситуация в промышленности наносит ущерб системе производственных отношений, так как промышленный спад отрицательно оказывается на стандартах жизни. Правящие политические круги Германии все чаще не в состоянии найти адекватные ответы на указанные вызовы. Ситуация во Франции или Великобритании также не вселяет оптимизма.

Назрел ряд проблем и в сфере технологического развития, а именно значительное отставание Европы в области цифровизации и искусственного интеллекта.

В сложившемся контексте все большую остроту приобретает климатический кризис и, следовательно, необходимость экологической трансформации экономики, в частности промышленности. Европа всегда стремилась позиционировать себя как глобального лидера в области климатической политики и взяла на себя амбициозные цели по декарбонизации. Так, европейским «Зеленым пактом» (Green Deal) предусматривается сокращение выбросов на 55% к 2030 году и достижение климатической нейтральности к 2050-му. Вместе с тем выполнение данных целей требует масштабных инвестиций, технологических инноваций и устойчивости к внешним потрясениям.

В свете промышленного кризиса эти цели вновь ставятся под сомнение, например посредством перехода от двигателей внутреннего сгорания к электромобилям. На мой взгляд, это принципиальная ошибка. Климатический кризис представляет собой экзистенциальную угрозу – альтернативного пути развития, кроме экологической трансформации, не существует. Однако простого перехода на электромобили недостаточно. Скорее нам нужна новая система мобильности с большим количеством общественного транспорта. Но такой переход уже выходит за рамки охраны окружающей среды как таковой. Другими словами, речь должна идти о всеобъемлющей программе преобразований, направленной на изменение наших энергетических систем, промышленного и транспортного секторов, сельского хозяй-

ства и даже социальной политики, которая обеспечит баланс между задачами экономического развития, с одной стороны, и экологической и социальной устойчивостью, с другой. Для нас решающее значение имеет «справедливый переход», за что, в частности, выступает и международное профсоюзное движение.

Нам нужна активная промышленная политика, направленная на решение экологических проблем, а также глубокая трансформация подходов к производству и потреблению. Как бы то ни было, такая трансформация должна сочетать в себе как экологические, так и социальные измерения и цели.

Еще одним чрезвычайно важным аспектом текущей ситуации являются международные торговые отношения. Тарифная политика Трампа, характеризующаяся резкими повышениями и неформальными соглашениями, привносит на рынки высокий уровень неопределенности, ослабляет доверие и сдерживает долгосрочные инвестиции. Все это оказывает давление на всю глобальную систему торговых отношений, равно как и ставит под сомнение правила ВТО. Очевидно, что цепочки создания стоимости и поставок характеризуются своей глобальной взаимосвязанностью. Экономическая же политика Трампа игнорирует этот факт и подвергает рискам не только мировую экономическую систему, но и экономическое развитие самих США. Данные процессы в значительной степени затрагивают Европу и ставят под угрозу ее социально-экономическое благополучие.

Не так давно во избежание надвигающейся торговой войны США и ЕС заключили рамочное торговое соглашение. Согласно ему, при ввозе в США большинство товаров из стран ЕС теперь облагаются импортной пошлиной в размере 15%, вместо грозивших ранее 30%. Тем не менее экспортруемые странами ЕС сталь и алюминий по-прежнему сталкиваются со значительно более высокими пошлинами, а именно 50%. С другой стороны, в рамках соглашения ЕС согласился ликвидировать импортные пошлины на все американские промышленные товары, а также взял на себя обязательства закупить у США энергоносители на \$750 млрд и инвестировать \$600 млрд в американскую экономику.

Это не честная сделка, а очень плохое соглашение. ЕС склонился перед требованиями Трампа. Что же касается энергозакупок, то данное соглашение станет существенным препятствием для экологической трансформации Европы. Французское правительство справедливо назвало дату подписания документа «черным днем» для ЕС.

Аналогично можно охарактеризовать и ситуацию в сфере безопасности – здесь страны Евросоюза также пошли на уступки Трампу, соглашившись увеличить свои оборонные бюджеты до 5% ВВП.

Меры политики в сфере безопасности стали для Европы еще одним серьезным вызовом. Война в Украине изменила европейскую политику безопасности коренным образом. ЕС поддерживает Украину, поставляя ей оружие. В действительности же нам требуются собственно европейские дипломатические инициативы по прекращению этой войны. ЕС сохраняет подчиненное от США положение. Европейские страны выполняют желания Трампа относительно финансирования украинской войны и национальных военных бюджетов, а российская агрессия используется как инструмент раскручивания маховика милитаризации.

Проблемы безопасности и экономики взаимосвязаны. Сосредоточение внимания на милитаризации препятствует необходимой экологической трансформации. Вместо наращивания объемов вооружений нам, напротив, следует укреплять международное сотрудничество. Нужно просто признать очевидное – мир стал более многополярным, и это должно найти отражение в расширенном экономическом сотрудничестве. Для Европы важно освободиться от подчинения США и проводить независимую политику, будь то в сфере безопасности или экономики. Европе требуется стратегическая автономия.

В заключение хотелось бы сказать следующее. В свете изменений глобальной экономической ситуации европейская политика в широком смысле требует переоценки и переосмыслиния. Европе нужна активная экономическая и промышленная политика, ориентированная на социально-экологические преобразования. Именно на них, а не на наращивание вооружений и милитаризацию, должны направляться ресурсы. Вместо преклонения перед диктатом Трампа мы должны настаивать на справедливости торгового взаимодействия. Нам необходима новая всеобщая политика безопасности, в основе которой лежит не конфронтация, а сотрудничество.

**Др. Хайнц Йоханнес Бирбаум,
профессор,**

глава правления Фонда Розы Люксембург

III ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Махмудов Рустам

Университет мировой экономики и дипломатии (УМЭД)

ведущий научный сотрудник ИПМИ, доцент

Узбекистан, Ташкент

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ БЕЗОПАСНОСТИ И СТАБИЛЬНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются глобальные вызовы безопасности и стабильности Центральной Азии до 2030-2040 гг. с опорой на концепцию Джованни Арриги о циклах накопления капитала и смене гегемоний. Рассмотрены конкуренция США, Китая, ЕС, Индии и стран Глобального Юга на фоне Четвертой промышленной революции и смещения экономической активности в Азию. Оценены индикаторы «нормы прибыли», «зазора Липпмана» и «решимости» для понимания динамики мирового лидерства США. Выявлены основные риски для региона – геополитическая нестабильность, уязвимость логистики и угрозы безопасности, – а также возможности для усиления субъектности и региональной консолидации Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия; глобальная безопасность; циклы накопления капитала; Джованни Арриги; Четвертая промышленная революция (ЧПР); США; Глобальный Юг; зазор Липпмана.

ВВЕДЕНИЕ

Дальнейшее экономическое развитие стран Центральной Азии и обеспечение их безопасности и стабильности в период 2030-2040 гг. в огромной степени зависит от того, как мы понимаем суть наблюдаемых трансформаций в глобальной экономике. Речь идет прежде всего

о выборе интерпретационной модели. Одну из таких моделей предлагает итальянский экономист и социолог Джованни Арриги (1937-2009). Она была описана им в произведении «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени».

Модель Арриги основывается на концепции «циклов накопления капитала». Согласно данной теории, мировая экономика развивается через циклы становления и смены гегемоний «Международных центров накопления капитала» (МЦНК), в рамках которых определенные государства концентрируют в своих руках контроль над капиталом, технологиями и мировыми финансовыми потоками.

В настоящее время мир наблюдает конкуренцию между МЦНК в лице, с одной стороны, США, которые при президенте Дональде Трампе перешли к политике сохранения своего лидерства в глобальной экономике, а с другой – Европейского Союза, а также ведущих стран Глобального Юга (таких как Китай, Индия, Россия, страны Юго-Восточной Азии, Бразилии, Турция), претендующих на главную роль. ЕС и страны Глобального Юга притязывают на экономическое лидерство или в глобальном масштабе (Китай и Индия), или в определенных сегментах мировой geopolитики, геоэкономики и технологической geopolитики, военной сферы.

Конкуренция между этими полюсами проявляется в торговых и технологических войнах, борьбе за контроль над транспортными коридорами, сырьевыми рынками, а также в идеологическом и информационном противостоянии и военно-технологической гонке. При этом конкурентная борьба идет на фоне ускоряющегося становления Четвертой промышленной революции, предполагающей глубокую технологическую перестройку и формирование цифровой экономики, основанной на искусственном интеллекте, биотехнологиях, больших данных и новых системах коммуникации.

Четвертая промышленная революция оказывает большое влияние на трансформацию энергетических рынков в сегменте перехода от традиционной энергетики, основанной на использовании ископаемого топлива, к «зеленой» или альтернативной энергетике, в которой ведущую роль играют солнечная и ветровая энергии. Новые технологии и новая энергетика приводят в свою очередь к серьезным трансформациям в системе глобальных инвестиционных потоков, знаний и компетенций, в социальных и ценностных сферах, в системе международных отношений.

Все это ставит два вопроса: «Вошел ли мир в новый исторический цикл смены гегемонии в процессах накопления капитала?» и

«Как действовать в этой связи Центральной Азии, чтобы найти эффективный баланс между вызовами и угрозами и открывающимися возможностями?».

ОЦЕНКА ТЕКУЩЕЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ КОНЦЕПЦИИ ДЖ. АРРИГИ

Согласно концепции Джованни Арриги, история капитализма представляет собой последовательную смену системных циклов накопления капитала и вместе с ними смену гегемоний МЦНК.

Цикл смены МЦНК выглядит следующим образом:

- 1) генуэзско-иберийский (XV–XVI вв.);
- 2) голландский (XVII в.);
- 3) британский (XVIII – начало XX вв.);
- 4) американский (XX в. – начало XXI в.).

Джованни Арриги считал, что следующим, пятым МЦНК может стать Китай. Это мнение основывалось на модели, согласно которой цикл накопления капитала включает в себя две фазы, строящиеся на диахотомии «процесс организации пространства vs процесс организации капитала» [1]. Эти фазы также называются «территориализмом» и «капитализмом».

1. Территориализм или фаза материальной экспансии:

- экстенсивное освоение мира (фаза материальной экспансии);
- целью освоения является контроль над территорией и населением, укрепление государства;
- средство достижения цели – контроль над мобильным капиталом;
- фокус делается на развитии реального сектора экономики (промышленность, торговля, строительство и т. п.).

Есть два типа территориализма: 1) «внешний территориализм» – с акцентом на освоение пространств за пределами МЦНК; 2) «внутренний территориализм» – с фокусом на приоритетное освоение внутреннего рынка внутри границ государства-лидера.

2. Капитализм или фаза финансовой экспансии:

- интенсивная эксплуатация уже имеющегося экономического пространства;
- контроль над мобильным капиталом становится целью, а контроль над территорией и населением – средством;
- начинается доминирование финансового сектора экономики – банки, страховые и инвестиционные компании и т. п. [2, с. 76].

Важную роль в модели смены циклов накопления капитала играют два вида кризиса: сигнальный и терминальный.

1. Сигнальный кризис представляет изменение процесса организации пространства и капитала внутри МЦНК.

Капитал начинает уходить из реальной экономики (производство, торговля) в финансовую сферу (банковские операции, кредиты, спекуляции). Примером сигнального кризиса может служить Британская империя, где в конце XIX – начале XX вв. случился сигнальный кризис и капитал стал все больше уходить в финансовый сектор (Лондонский Сити). При этом стали подниматься новые конкурирующие промышленные центры – США и Германия. Сигнальный кризис представляет собой индикатор ослабевания МЦНК. Внутри МЦНК и в целом цикла накопления капитала возникает локальная турбулентность, сопровождаемая различными внутренними кризисами. Однако система сохраняет устойчивость.

2. Терминальный кризис фиксирует вхождение цикла накопления капитала и господства МЦНК в финальную фазу с последующим переходом к следующему новому циклу и новому гегемону.

«Старый» МЦНК уже не может удерживать свое глобальное влияние с помощью финансовых инструментов. Это приводит к возникновению системной турбулентности на мировой арене (войны, нестабильность, передел границ военным путем и др.). Вхождение Британской империи в фазу терминального кризиса стало причиной Первой и Второй мировых войн, в конечном итоге приведших к утверждению США в качестве МЦНК и нового мирового порядка.

Попробуем применить эту модель в отношении сегодняшней ситуации в мире. Согласно концепции Дж. Арриги, по состоянию на 1994 год, когда была завершена его книга, мир продолжал существовать в рамках «долгого двадцатого века», который состоял из трех отдельных сегментов.

Первый сегмент продолжался с 1870-х до 1930-х годов. Это был период перехода от сигнального к терминалному кризису британского режима накопления. Второй сегмент включает в себя период от терминалного кризиса британского режима до сигнального кризиса американского режима накопления. Итальянский экономист считал, что сигнальный кризис в США наступил в 1970-е гг. Третий сегмент (достижение терминалного кризиса) еще не был зафиксирован [2, с. 283].

С 1970-х гг., когда США вступили в период сигнального кризиса, в их экономике стала доминировать логика «капитализма», выражаясь в финансовой экспансии, господстве доллара, высокой роли спекулятивного капитала в управлении государством. Начались dein-дустриализация, массовое закрытие заводов тяжелой и автомобильной промышленности («Ржавый пояс», Детройт), перенос производств в другие страны.

Приоритетом стала максимизация прибыли для корпораций и инвесторов, что привело к растущему социальному неравенству в США. За последние 35 лет (1989-2024) доля богатства, принадлежащая 1% самых состоятельных американцев, выросла с 22,8% в 1989 году до 30,8% в 2024 году [3]. Параллельно быстрыми темпами рос государственный долг США, который достиг 37 трлн долларов в августе 2025 года [4; 5].

Как и в случае с Британской империей, в период сигнального кризиса в США (с 1970-х гг. по настоящее время) происходит фантастический рост индустриального потенциала Китая, экономический подъем Индии, Бразилии, стран Юго-Восточной Азии. Эти страны сегодня продолжают находиться в состоянии территориализма, что в свою очередь ставит вопрос о том, вошли ли США в стадию терминалного кризиса.

Дж. Арриги крайне интересовал момент перехода США от сигнального к терминалному кризису и то, каким он будет. В своей книге он поставил вопрос о том, «какие силы ускоряют переход к терминалному кризису американского режима накопления и как скоро наступит этот кризис и завершится долгий двадцатый век?».

ДОНАЛЬД ТРАМП И ЕГО ПОЛИТИКА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТЕРМИНАЛЬНОГО КРИЗИСА В США

Если судить по мерам, которые предпринимает Дональд Трамп, и по тому, как развивается ситуация в мировой экономике и политике, то американский президент пытается решить две фундаментальные задачи, с точки зрения концепции Арриги:

- 1) предотвратить переход США из стадии сигнального кризиса в терминальный (задача минимум);
- 2) возвратить американскую экономику в стадию «территориализма» – иначе говоря, добиться восстановления американской индустриальной мощи, возвратить на родину вывезенные американскими корпорациями производственные мощности и превратить США в лидера Четвертой промышленной революции. В рамках логики территориализма Трамп пытается переформатировать глобализацию с целью заставить ее работать в индустриальных интересах США (задача максимум).

Однако сможет ли он добиться успеха и показать несостоительность ключевой концепции теории Дж. Арриги о линейной смене МЦНК? Ответ на этот вопрос может дать наблюдение за стратегией президента Трампа и действиями конкурентов США на основе трех индикаторов.

ИНДИКАТОР 1. «НОРМА ПРИБЫЛИ»

Этот индикатор включает в себя шесть параметров.

1. Материальная производственная база.

Этот параметр отражает долю США и их конкурентов в мировой обрабатывающей промышленности (создание «производственной добавленной стоимости»), а также объем внутренних инвестиций в производственные мощности (CAPEX).

2. Технологическое ядро.

Данный параметр завязан на достижении эффективной синергии между Research and Development (R&D), защищой Интеллектуальной собственности (Intellectual property rights, IPR) и Капитальными затратами (capital expenditures, CAPEX) в производстве высоких технологий. Сначала идут R&D – расходы на создание новых знаний, технологий и

продуктов (задел для получения будущих сверхприбылей), затем IPR – закрепление прав собственности на результаты R&D (патенты, лицензии, авторские права) и на третьем этапе – CAPEX как инвестиции в физические и долгосрочные активы (заводы, оборудование, дата-центры, инфраструктура). В свою очередь CAPEX на следующем витке могут стимулировать R&D.

Параметр «технологического ядра» сегодня важен с нескольких точек зрения с учетом наблюдаемой гонки за лидерство в Четвертой промышленной революции. Во-первых, он показывает, кто из конкурентов за статус МЦНК обладает более эффективной системой соотношения R&D, IPR и CAPEX. Во-вторых, отображает долю стран-конкурентов в мировых патентах и научных публикациях по ключевым технологиям: AI, квантовые технологии, полупроводники, биоматериалы, энергетика. В-третьих, демонстрирует уровень самодостаточности и долю в производстве и экспорте оборудования «узких мест» (литография, аэрокосмические технологии, advanced robotics). В-четвертых, показывает внедрение AI/автоматизации за пределами Big Tech (строительство, медицина, логистика).

3. Соотношение CAPEX / R&D и финансовых операций (спекуляций).

Этот параметр показывает движение свободных денежных потоков (free cash flow) компаний стран-конкурентов. Они всегда идут в двух направлениях – или в реальные инвестиции (R&D и CAPEX), или в финансовые операции, такие как buybacks (обратный выкуп акций).

Высокие показатели CAPEX и R&D сигнализируют о том, что компании верят в реальный экономический рост и вкладывают в новые исследования, производственные мощности и инновации, экспортную экспансию, то есть страна находится в фазе материального накопления.

В свою очередь высокие показатели вложения средств в финансовые операции показывают, что норма прибыли в реальном секторе снижается. Это может говорить о сдвиге в сторону «финансовизации», которая является сигналом того, что прежняя фаза материального накопления себя исчерпала. Финансовизация в ее крайней форме дает иллюзию роста богатства, но не увеличивает производственные мощности.

Финансовизация может быть двух видов: 1) индикатор перехода страны от фазы территориализма к фазе капитализма (сигнальный кризис); 2) индикатор перехода от сигнального кризиса к терминальному, при условии, что страна не найдет новую модель материального накопления.

Если Китай находится в фазе постепенного перехода от материального накопления к финансовизации первого вида, то США – в переходе

от финансирования первого вида ко второму. Поэтому для обеих этих крупнейших экономик и конкурентов за статус МЦНК важнейшее значение имеет ЧПР как возможность перехода к новой фазе материального накопления.

4. Человеческий капитал.

Для обеспечения высокой нормы прибыли в условиях конкуренции за лидерство в ЧПР важен также параметр «человеческого капитала». Особое внимание нужно обратить на три аспекта:

- STEM-иммиграция – она предполагает создание благоприятных условий для обеспечения притока в страну специалистов, обладающих знаниями и опытом в различных областях науки (Science), технологий (Technology), инженерии (Engineering) и математики (Mathematics);
- создание внутри страны высококачественной системы подготовки STEM-специалистов и обеспечение благоприятных условий для STEM- занятости;
- создание эффективной системы ускоренной переквалификации рабочих в условиях повышения уровня автоматизации труда.

5. Энергетика и ресурсы.

Данный параметр влияет на конкурентоспособность производства и уровень издержек. Здесь важно отслеживать следующие моменты: энергоемкость ВВП; сравнительную себестоимость энергии (традиционные энергоресурсы, ВИЭ) в ведущих экономиках мира; устойчивость обеспечения национальной экономики «критическими минералами» (редкоземельные, литий, кобальт).

6. Институциональная устойчивость.

Этот параметр указывает на способность институциональной системы (например, экономической или социальной) сохранять свою структурную целостность, адаптивность к внутренним и внешним вызовам и изменениям, наличие эффективных механизмов решения конфликтов, стабильное функционирование системы и способность к обеспечению прогресса.

Важной составляющей институциональной устойчивости является «предсказуемость»: наличие и соблюдение ясных и четких правил и норм, которые делают поведение всех участников транзакций предсказуемым.

2. «ИНДИКАТОР ЛИППМАНА»

Данный индикатор имеет важное значение для оценки конкурентоспособности США и их соперников в борьбе за глобальное влияние. Он основывается на формуле «кредитоспособности» нации, которую вывел американский политический обозреватель Уолтер Липпман в своей книге «Внешняя политика США» (1943). Согласно ей, нация считается кредитоспособной, если ее «активы» (мощь) превышают «пассивы» (обязательства) «с комфорtabельными резервами избыточной мощи» [6]. Превышение обязательств над ресурсами приводит к эффекту «зазора Липпмана» (Lippman's gap, LP). Автором этого термина является Самуэль Хантингтон.

Попробуем детализировать формулу «кредитоспособности» и «зазора Липпмана» и совместить их с моделью Арриги и описываемым в ней переходом от сигнального к терминальному кризису. Для этого предлагается следующая формула (формула сводного индикатора):

LG = O/R, где O – obligations (обязательства), R – resources (ресурсы).

Итоговая LG нации представляет собой суммирование 8-ми индикаторов LG ($LG=O/R$) в четырех блоках.

1. Экономический блок.

LG_1 . Доля обязательств к ВВП: военные расходы на поддержание баз и миссий / ВВП.

LG_2 . Доля внешнего долга к валютным резервам: показывает, сколько ресурсов «съедают» обязательства по долгу.

2. Военно-стратегический блок.

LG_3 . Военные базы и альянсы vs оборонный бюджет: количество зарубежных обязательств / ежегодный оборонный ресурс.

LG_4 . Доля военных миссий за пределами ключевых интересов: насколько обязательства превышают реально значимые зоны.

3. Геополитический и институциональный блок.

LG_5 . Индекс глобального влияния: соотношение дипломатических, экономических и культурных обязательств к доступным инструментам влияния.

LG_6 . Поддержка альянсов союзниками: сколько партнеров реально несут часть бремени (например, расходы НАТО партнерами).

LG_7 . Внутренний консенсус: расхождение между внешнеполитическими амбициями элит и поддержкой общества (данные опросов).

4. Социально-политический блок.

LG_8 . Политическая поляризация: уровень внутреннего конфликта, затрудняющий мобилизацию ресурсов.

Интерпретация:

- $LG < 0.9$ – устойчивый запас (на 100% ресурсов приходится 90% обязательств);
- $LG \approx 1.0-1.2$ – сигнальный кризис (ресурсы почти равны обязательствам);
- $LG > 1.2$ – терминальный кризис (обязательства превышают ресурсы – для МЦНК это говорит об «имперском перенапряжении»).

Если проанализировать последние внешнеполитические действия Дональда Трампа, то можно сказать, что он действует в соответствии с формулой Липпмана, стремясь уменьшить растущий дисбаланс между огромными глобальными обязательствами США и имеющимися ресурсами.

Например, Трамп снижает обязательства США перед союзниками по НАТО, которые очень дорого обходятся американскому бюджету. Одновременно он пытается нарастить ресурсы, продвигая продажу американской сланцевой нефти, СПГ и военной техники.

3. «ИНДИКАТОР РЕШИМОСТИ»

Он связан с решимостью государства применить силовые инструменты для изменения структуры мировой экономики в свою пользу и тем самым предотвратить переход от сигнального к терминальному кризису (господствующий МЦНК) или ускорить свое восхождение к статусу МНЦК.

В настоящее время администрация Дональда Трампа пытается демонстрировать решимость, но пока только экономическими мерами (тарифы, санкции). Однако пока сложно сказать, сможет ли она такими мерами изменить мировую экономическую структуру, так как масштаб произошедших изменений в результате глобализации огромен, и он не в пользу США.

Глобализация создала феномен глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС), значительная часть которых завязана на Китае. Если в 2004 году на долю Китая приходилось менее 9% мирового объема

производства, то в 2011 году Китай обогнал Европейский союз (ЕС), став мировым лидером в сфере производства. В 2023 году добавленная стоимость в обрабатывающей промышленности Китая достигла 4,66 трлн долларов. Это составило 29% от общемирового объема и превышает показатели четырех следующих крупнейших производственных экономик вместе взятых (США, Японии, Германии и Индии) [7].

В целом же, если мы возьмем Азию, то она не просто стала частью глобальных цепочек добавленной стоимости и поставок – это уже новый экономический центр мира. Глобальная экономическая активность быстрыми темпами смещается туда. Также в Азию перемещается и потребление энергоресурсов. Это объясняется как быстрым экономическим ростом, так и урбанизацией, ростом среднего класса, который разгоняет потребительский рынок.

Смогут ли США переформатировать ГЦДС так, чтобы к ним сместились центры производства, технологий и контроля в США, – это большой вопрос. С одной стороны, есть уязвимость стран Азии, включая Китай, которые до сих пор зависят во многих секторах от американских и западных высоких технологий. Например, Китаю все еще не удается достичь технологической самодостаточности.

Пекин продолжает активно использовать импортные полупроводники, зарубежные авиационные компоненты и передовые производственные инструменты. Несмотря на многолетние целенаправленные инвестиции, общий уровень самодостаточности китайской полупроводниковой промышленности в 2024 году составил около 13%, что далеко от поставленной цели в 70%. Самолет C919, разработанный СОМАС для конкуренции с Boeing и Airbus, по-прежнему оснащен двигателями и авионикой американских и европейских компаний. Аналогичным образом китайские системы автоматизации часто используют немецкие, японские и швейцарские технологии [7].

Вместе с тем «глобальному Югу» есть чем ответить на давление со стороны Трампа. Это прежде всего аргумент в области критически важных материалов (литий, редкоземельные элементы), а также быстрорастащего потребительского рынка. Безусловно, США сохраняют лидерство как самый большой потребительский рынок в мире, однако Китай, Индия и другие страны глобального Юга совокупно представляют собой крупнейший сегмент глобального потребления, где быстро развивается культура потребительского общества.

То, что глобальный Юг изменился и сам может успешно отвечать на давление Трампа, показывают действия Китая, который в ответ на

американские 145-процентные пошлины на китайский импорт ввел 125-процентные пошлины на импорт из США. В результате Вашингтон был вынужден пойти на «тарифное перемирие» [8; 9]. Также страны Глобального Юга стремятся объединить свои усилия в рамках БРИКС и ШОС в целях совместного противостояния Вашингтону и создания более справедливого, с их точки зрения, мирового порядка.

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Самым большим вызовом для стран ЦА может стать неудача Трампа в предотвращении перехода США из стадии сигнального в терминальный кризис. Дальнейшее их погружение в «зазор Липпмана» и имперское перенапряжение повысит угрозу дестабилизации мировой экономики и общей глобальной geopolитической ситуации.

Как показывает история, гегемония МЦНК всегда должна сопровождаться его способностью обеспечить стабильность глобальных рынков, сухопутных и морских транспортных коммуникаций и финансовой системы. Возникновение системной турбулентности на мировой арене (войны, нестабильность, передел границ военным путем и др.) представляет собой индикатор того, что МЦНК слабеет и стоит на пороге перехода к терминальному кризису.

В последние годы мы наблюдаем растущее число конфликтов, которые США в ускоренном порядке пытаются решить. Им это пока удается, за исключением российско-украинского конфликта. Но решение этих конфликтов не носит фундаментального характера, как в случае ирано-израильского конфликта. Кроме того, само применение масштабных экономических санкций уже против всего мира может указывать на то, что Вашингтону все сложнее обеспечивать глобальную стабильность на фоне расхождения между наличной мощью и взятыми обязательствами.

Для стран ЦА все это может привести к появлению целого ряда следующих прямых и опосредованных угроз:

1. Уязвимость инфраструктуры и торговли.

Если США ослабят контроль над мировыми морскими и финансовыми потоками, транзит через Евразию станет менее предсказуемым, а логистические риски возрастут. Также возрастут риски при ослаблении доллара, так как большая часть торговли стран региона осуществляется в долларах.

2. Изменение баланса внешних сил.

Вовлеченность большого количества влиятельных глобальных и региональных игроков позволяла Центральной Азии выстраивать многоуровневую стратегию балансирования и кооперации. Ослабление вовлеченности США в регион создаст пространство неопределенности вокруг вопроса выстраивания нового баланса внешних сил.

3. Безопасность и терроризм.

США продолжают играть лидирующую роль в стабилизации ситуации в современном Афганистане через предоставление финансовой и гуманитарной помощи. Сокращение этой помощи может привести к ослаблению власти Талибан, что грозит ростом активности конкурирующих группировок, таких как ИГИЛ-Хорасан, и вероятным перенаправлением их вектора активности в сторону ЦА.

4. Технологическое сотрудничество.

Ослабление влияния США может сузить возможности для технологической диверсификации стратегий стран ЦА в рамках ЧПР.

Безусловно, ослабление влияния господствующего МЦНК всегда открывало и новые возможности для средних и малых акторов международных отношений, которые получали шанс оказать влияние на построение нового мирового порядка, а не просто следовать правилам, установленным МЦНК. Государства ЦА смогут воспользоваться открывающимися возможностями, только если продолжат усилия по дальнейшей региональной консолидации и укреплению центральноазиатской субъектности в международной политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ глобальных процессов через модель Джованни Арриги позволяет понять, что современная мировая система находится в стадии глубоких структурных изменений, которые могут завершить «долгий двадцатый век» и привести к смене гегемонии. Конкуренция между США, Китаем и другими центрами силы сопровождается технологической гонкой, финансовой турбулентностью и изменением глобальных цепочек добавленной стоимости.

Для Центральной Азии эти процессы несут как угрозы, так и возможности. Основные риски связаны с возможной дестабилизацией мировой экономики, изменением баланса внешних сил, ростом террористической активности и снижением доступа к технологическим ресурсам.

Вместе с тем ослабление доминирующего МЦНК открывает для стран региона перспективы активного участия в формировании нового мирового порядка. Для реализации этих возможностей необходимо укреплять региональную консолидацию, повышать устойчивость экономики и инфраструктуры, развивать собственный научно-технологический потенциал и гибко выстраивать внешнеполитические стратегии. Такой подход позволит Центральной Азии сохранить стабильность и усилить свою роль в быстро меняющемся глобальном контексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балицкий Е. Концепция циклов накопления капитала Дж. Арриги и ее приложения. – *Terra Economicus*, 2018, Том 16, № 1. – С. 37-55. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-1-37-55
2. Джованни А. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени / Пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского».
3. Bhutada G. Visualized: The 1%'s Share of U.S. Wealth Over Time (1989-2024) // Visual Capitalist. – February 08, 2025. // <https://www.visualcapitalist.com/visualized-the-1s-share-of-u-s-wealth-over-time-1989-2024/?utm>
4. ChinaPower Project. Measuring China's Manufacturing Might // Center for Strategic & International Studies. – December 18, 2024. // <https://chinapower.csis.org/tracker/china-manufacturing/>
5. Верейкин А. Госдолг США установил новый рекорд // Lenta.ru. – 13 августа 2025. // <https://lenta.ru/news/2025/08/12/gosdolg-ssha-ustanovil-novyy-rekord/>
6. Зазор Липпмана // Kartaslov.ru // <https://kartaslov.ru/карта-знаний/Зазор+Липпмана>
7. Meloni M. «Made in China 2025»: A Decade of Industrial Policy and Its Geopolitical Effects // SpecialEurasia Media Agency. – May 2, 2025. // <https://www.specialeurasia.com/2025/05/02/made-in-china-2025/>
8. США и Китай продлили тарифное перемирие на 90 дней // Газета.уз. – 12 августа 2025 г. // <https://www.gazeta.uz/ru/2025/08/12/us-tariffs/>
9. США и Китай договорились о торговой сделке // Газета.уз. – 11 июня 2025 г. // <https://www.gazeta.uz/ru/2025/06/11/us-china/>